

ЧИНОВНИЧЕСТВО И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие промышленности и торговли в России во второй половине XIX в. осуществлялось под постоянным контролем государства, которое, используя проверенный принцип «круговой поруки», возложило по традиции некоторую часть своих контрольных функций на сословные корпоративные структуры купечества и органы городского самоуправления. Однако, несмотря на это, именно от коронного чиновничества в центре и на местах зависел успех или крах частной инициативы в период ее превращения из идеи в дело, так как собираясь открыть лавку, трактир, типографию, салотопенный завод или суконную фабрику предприниматель вступал в контакт с соответствующими государственными структурами, дававшими разрешение на ту или иную предпринимательскую деятельность. Роль городских дум в контроле за торгово-предпринимательской деятельностью сводилась к постоянному отслеживанию качества этой деятельности, проверке своевременности оплаты купцами и предпринимателями всех установленных налогов и пошлин, воспрепятствованию в торгово-предпринимательских делах лицам, не имевшим на них право. Причем последнее обстоятельство было в интересах самого купечества, так как осуществление этой контрольной функции устраняло с рынка недобросовестных конкурентов, подрывавших своей деятельностью финансовые интересы и корпоративные ценности купеческого сословия. От характера, масштаба и сложности производства, торговой или иной деятельности зависели содержание и алгоритм процедуры согласования и получения официального разрешения, а значит, и начало предпринимательской деятельности.

Характер, масштаб и содержание деятельности учрежденного предприятия обуславливали и особенности контроля за его деятельностью. Все предпринимательские структуры, независимо от содержания своей деятельности, находились под пристальным вниманием финансовых учреждений государства как источники поступления в казну налогов и пошлин. Ряд товаров имел для государства особое значение, так как они облагались дополнительно, поэтому повсеместно акцизные учреждения с лихвой окупали свое содержание. Предприятие с вредным и опасным для здоровья работников и окружающего населения производством, а также учреждения питания, переработки и изготовления продовольственных продуктов контролировались полицией и санитарными врачами. С начала 1880-х гг. частные (так называемые цензовые) промышленные предприятия попали в поле зрения и фабрично-заводских инспекций. Цензовыми предприятиями считались такие, на которых трудилось более 16 рабочих или использовался механический двигатель при меньшем числе рабочих. Доля таких предприятий в Центральном Черноземье была невелика, например, в Воронежской губ. в 1900 г. к цензовой промышленности были отнесены 192 предприятия из 4648¹. Таким образом, юрисдикция Воронежской фабричной инспекции распространялась лишь на 4,1 % промышленных предприятий губернии. Однако проконтролировать и это небольшое число промышленных заведений было непросто, так как Воронежская фабричная инспекция (как и Курская) имела в своем штате только три фабричных инспектора, на каждого из которых приходилось от 30 до 94 предприятий с общим числом рабочих от 2179 до 7344 чел.² Были у фабричных инспекторов и строгие предписания, помимо охраны труда работников, от Министерства внутренних дел — содействовать порядку и спокойствию на предприятиях, от Министерства финансов — способствовать сохранению и упрочнению интересов промышленности, учитывая интересы рабочих и владельцев фабрик и заводов. Несмотря на двойственность своего положения, фабричной инспекции в Центральном Черноземье удалось сделать самое главное: практически на нет свести использование труда малолетних, сократить женский труд, особенно на предприятиях с вредным производством, улучшить условия работы женщин и подростков. Так, с 1885 по 1901 г. доля детского труда на промышленных предприятиях Курской и Воронежской губ. сократилась соответственно с 4,5 и 4,1 % до 0,3 и 0,8 %, доля женского труда в те же временные сроки — с 28,7 и 14,3 % до 12,7 и 10,7 % соответственно³.

Рост численности торгово-промышленных заведений, усложнение законодательства, регламентирующего эту сферу деятельности, постепенно влекли за собой создание в провинции новых и укрупнение существующих коронных учреждений, появление в них новых должностей, расширение или изменение функциональных обязанностей у действующих должностных лиц, так или иначе связанных с контролем за деятельностью частного сектора. Понимая, что без обратной связи невозможна эффективная деятельность государственных учреждений по управлению и мониторингу деятельности хозяйствующих субъектов, государство создает коллегиальные совещательные органы при коронных административных структурах на местах. Такие органы включали в себя, помимо чиновни-

ков, делегатов от корпоративных предпринимательских или сословных структур, органов местного самоуправления. Например, при губернских казенных палатах в конце XIX в. существовали присутствия по дополнительному промысловому налогу, по квартирному налогу и др. В деятельности этих присутствий активное участие принимали представители местного купечества. Правом выдвижения своих представителей в присутствия при губернских казенных палатах обладали купеческие корпоративные структуры, а также органы городского самоуправления, господствующее положение в которых тоже занимали купцы. Такой подход к формированию присутствий обеспечивал компетентность и гласность принимаемых решений, учет сословных интересов местного купечества и интересов государства. В некоторых случаях купцы обеспечивали себе фактически единоличное право решающего голоса при принятии решений в присутствиях. Например, в 1894–1895 гг. в податные присутствия Курской казенной палаты по обложению гильдейских торговых и промышленных предприятий, контролировавших весь средний и крупный бизнес, входили исключительно купцы⁴.

Политика привлечения представителей торгово-промышленных кругов к выработке управленческих решений не ограничивалась органами местной коронной власти. Государство в России стремилось к стимулированию экономического развития, зачастую опережая инициативу буржуазии. С другой стороны, правительство в рассматриваемый период при разработке законодательных актов, касавшихся развития промышленности и торговли, создавало или использовало уже существующие консультативные органы для выяснения мнений, интересов и предложений российских предпринимателей. Этим обстоятельством, вероятно, и объясняется отсутствие у национальной буржуазии «широкой программы требований в области экономической политики» и усилий на ее превращение в активную политическую силу. Следует отметить, что «перед правительством постоянно стояла проблема сочетания региональных и отраслевых интересов предпринимателей, фискальной политики Министерства финансов и общегосударственных интересов. Эту проблему более или менее успешно пытались решать все министры финансов России второй половины XIX века от А. М. Княжевича до С. Ю. Витте»⁵.

Несовершенство законодательных актов и практики правоприменения рождали негативную составляющую во взаимоотношениях чиновничества и торгово-промышленной буржуазии. Строгое и последовательное следование букве закона по убеждению или по хитрости (а скорее по тупому упорству государственных служащих) порой стесняли развитие полезной и важной предпринимательской инициативы. В этом случае просители вынуждены были идти на дополнительные расходы, а некоторые и не собирались на этом экономить, поэтому сразу использовали взятки для успешного и более оперативного получения разрешительных документов. При этом заинтересованные стороны были свято убеждены в том, что взятка не является предосудительным, тем более преступным актом. А когда встречали честного чиновника, то недоумевали и возмущались публично. Примеров подобного отношения к взятке в мемуаристике достаточно. Приведем, на наш взгляд, наиболее красочный, который иллюстрирует типичный и устоявшийся характер отношений между чиновниками и питейными откупщиками в российской провинции, в частности в Курской губ., в середине XIX в.

«Рыцарски благородный и честный правитель» курский губернатор В. И. Ден был для местного чиновничества чудаковатым и страшно опасным представителем верховной власти. Первым, ошеломившим государевых слуг, случаем стал его вызывающий отказ принять взятку в 15 тыс. руб. от откупщиков. Попытался передать эти деньги Дену на Пасху 1861 г. председатель Казенной управы И. Я. Телешев. Позже он «уверял всех своих знакомых, что он никогда не мог себе представить подобной странности в новом губернаторе и что бывшие перед ним шесть губернаторов не только за это не обижались, но, совершенно напротив, находились с ним в самых дружеских отношениях». Стремясь обезопасить себя, Телешев настроил против Дена своего министра, представив в выгодном для себя свете промахи губернатора в борьбе со злоупотреблениями в винных откупах. Поэтому посетивший позднее Курск министр финансов А. М. Княжевич весьма сухо обошелся с Деном, высказав ему недовольство за противодействие правительственной политике по откупам, от которых государство получало главный доход⁶.

Взятка несомненно упрощала и ускоряла решение многих вопросов — и сиюминутных, и имевших стратегическое значение для представителей торгово-промышленного класса. Но только этим значение взяток не исчерпывалось. Например, начатое раньше на год, полгода или месяц строительство фабрики означало не только более раннее получение владельцем прибыли, но порой и завоевание лидирующих или даже монопольных позиций в какой-либо экономической нише. Население получало рабочие места, заработную плату, новые товары. С этой точки зрения все оказывались в выигрыше: предприниматель, население, чиновник, пополнивший свой карман, экономика в целом.

Такой подход и подобная логика привели некоторых авторов к выводу о том, что взятки являлись прогрессивным и полезным явлением⁷.

Однако это неверно ни с морально-этической и правовой, ни с конкретно-исторической точки зрения. Не останавливаясь на контраргументации аморальности и антиправовом характере взятки, обратимся к анализу того, почему взятка не могла играть позитивную роль в конкретно исторических условиях. Одним из важнейших аргументов является то, что не взятки способствовали экономическому росту. Его тормозило несовершенство законодательства. Если и было некоторое влияние института взятки на сокращение сроков продвижения предпринимательской инициативы, то следует иметь в виду, что, будучи явлением массовым, она в большей мере являлась традицией и способом пополнения чиновниками своих доходов. В условиях, когда государство декларировало борьбу с этим явлением, попытка кардинально изменить сроки решения процедурных вопросов фактически делала взятку, точнее подозрение о ее получении, слишком явной, а значит, опасной для служебной карьеры чиновника. Таким образом, взятки в массовом порядке вряд ли существенно сокращали сроки реализации бюрократических процедур.

Другим обстоятельством, не позволяющим рассматривать взятку как прогрессивный фактор, является ее разлагающее влияние на формирование в России в рассматриваемый период правового государства и основ гражданского общества. Именно поэтому, с нашей точки зрения, взятка как устойчивый и негласно принимаемый обществом способ решения организационно-управленческих задач в экономике в гораздо большей мере была тормозом, а отнюдь не катализатором социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Примечания

¹ Смоленская О. А. Фабричная инспекция и ее деятельность по охране труда детей и женщин в 1882–1905 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. С. 21.

² Там же. С. 20

³ Там же. С. 22–23; Смоленская О. А. Состав и численность рабочих фабрично-заводской промышленности Воронежской и Курской губерний в конце XIX — начале XX вв. // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., г. Белгород, 8 дек. 2006 г.: в 2 т. Белгород, 2006. Т. 1. С. 168.

⁴ Кулабухов В. С. Купечество // Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород, 2005. С. 168.

⁵ Мошкин А. Н., Белоножко Е. П. Корпоративные предпринимательские организации и некоторые аспекты торгово-промышленной политики правительства России в 1850–1870-е годы. М., 2008. С. 10–11.

⁶ Решетов Н. А. Дела давно минувших дней // РА. 1885. № 12. С. 543–545.

⁷ Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: Очерк истории отечеств. социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, вып. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/3/6golosenko.html> [23.07.2009].

В. П. Гарматный

ТРАНСПОРТ, ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Экономика Беларуси после проведения реформ 60–70-х гг. XIX в. развивалась довольно неравномерно: темпы ее развития значительно ускорились в 1880—1890-е гг. в связи с завершением промышленного переворота и были более высокими, чем в коренной России. Вместе с тем промышленность Беларуси во второй половине XIX в. значительно отставала по уровню развития от основных индустриальных центров. Главной причиной этого стали отсутствие значительных промышленных залежей природных ископаемых, сохранение феодальных пережитков, а также близость региона к Центральному, Петербургскому, Прибалтийскому и Польскому промышленным районам, где крупная промышленность сложилась значительно раньше, чем в Беларуси. В связи с этим белорусские губернии оставались регионом с высокоразвитой легкой промышленностью, преимущественно кустарной и основанной на переработке сельскохозяйственного сырья. Рынок Беларуси в это время был насыщен преимущественно товарами индустриально развитых регионов Российской империи. По причине неразвитости крупной промышленности особое значение в Беларуси во второй половине XIX в. получили транспорт, торговля и кредит.

Развитие капитализма приводило к складыванию единого национального рынка Беларуси, который в свою очередь являлся частью всероссийского рынка. С прокладкой железных дорог эконо-